

«НАУЧНАЯ (НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ, ТВОРЧЕСКАЯ) ШКОЛА» В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Предметом исследования выступает такой феномен интеллектуальной среды, характерный для профессиональных сообществ в сфере науки и высшей школы, как научная (научно-педагогическая) школа. Он рассматривается с целью определения формализованных показателей, характеризующих его наличие (отсутствие), а также возможности использования при определении рейтинга российских вузов.

Материалы и методы. Результаты исследования были достигнуты на основе моделирования научной школы как отдельной сущности. При этом были выделены сущностные признаки исторически сложившихся и получивших признание научных школ в мировой и отечественной науке.

Результаты. Исследованы и обоснованы основные признаки научной (научно-педагогической) школы. Сформулированы предложения по определению их количественных характеристик. Предложены принципы использования института научной школы в процессе определения рейтинга российских вузов.

Выводы. Феномен формирования научной (научно-педагогической) школы является естественной чертой развития научной и педагогической среды высшей школы. По мнению авторов, он может быть выражен в системе количественных показателей и использован при определении рейтинга российских вузов. Обязательным условием этого должна быть широкая дискуссия в научно-педагогическом сообществе о критериях их выделения.

Ключевые слова: научная школа, научно-педагогическая школа, творческая школа, высшее образование России, рейтинг вузов.

D. V. Aronov, V. G. Sadkov

«RESEARCH (SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL, CREATIVE) SCHOOL» IN THE SYSTEM OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION

Abstract.

Background. Subject of this research is a research (scientific-pedagogical) school – a phenomenon of the intellectual environment, which is typical for professional scientific communities. This phenomenon is examined for the purpose to determine the formalized indicators defining its presence (absence), as well as the applicability for determining the higher education institutions rating in Russia.

Materials and methods. The research results were achieved by means of research school simulation. In this connection the essential criteria were defined in the research schools that were historically established and obtained recognition in the world science and the national science.

Results. Chief features of the research (scientific-pedagogical) school are researched and reasoned. The suggestions concerning their quantitative characteristic were stated. Application principles of the research school in the process of the Russian higher education institutions rating determination were suggested.

Conclusions. The phenomenon of the research (scientific-pedagogical) school formation is a natural trait of development of the scientific and educational milieu in

the higher school. In authors' opinion it can be expressed in the system of quantitative measures and used for determining the higher education institutions rating in Russia. Broad debates about the criteria for their separation in the research and educational community is a compulsory condition thereto.

Key words: research school, scientific-pedagogical school, creative school, higher education of Russia, university rating.

Одной из проблем в развитии российского педагогического сообщества, получивших широкий общественный резонанс, стала проблема защиты (а точнее, имитация защиты) диссертационных работ. Ряд громких дел, связанных с откровенной фальсификацией как самих текстов квалификационных работ, так и сопровождающих их документов и, судя по совокупности обстоятельств, процедуры защиты, поставил вопрос не только о первоочередных организационно-распорядительных мерах в рамках деятельности органов управления наукой и образованием. Речь объективно идет о целесообразности создания механизма, основанного на иных принципиальных основах присвоения ученых степеней и званий не только и не столько в рамках государственной процедуры аттестации, сколько при участии собственно научного сообщества. В контексте этого направления дискуссии обозначилось направление, предполагающее разделение вузов на две категории. Разница между ними будет состоять в наличии разрешения (возможности?) создания диссоветов. В случае если эта теоретическая посылка дойдет до стадии реализации, то, как представляется авторам настоящей работы, речь может пойти о таком показателе, к которому примериваются уже не одно десятилетие, как «научная (научно-педагогическая, творческая) школа». По этому вопросу авторы высказывали свои взгляды начиная с начала 2000-х гг. [1–5]. В отечественной историографии указанной проблемы за последние годы появился целый ряд работ, авторы которых внесли заметный вклад в классификацию признаков научных (научно-педагогических) школ, изучение их места и роли в различных отраслях отечественной науки и высшем образовании [6–11].

Однако сегодня, в связи с постоянными реформами системы высшего образования России, как, впрочем, и научной сферы, представляется актуальным вернуться к определению понятия «научная школа» именно с точки зрения разработки четкой системы критериев с закреплением в соответствующей части российского законодательства, регламентирующего деятельность системы высшего образования. Собственно, кому как не «научной школе» есть и смысл, и основания претендовать на презентацию взглядов академического сообщества в части принятия квалифицированного решения о приеме в свои ряды тех, кто подтвердит на должном уровне свою квалификацию как исследователя, способного к генерации нового знания. Соответственно, данная проблематика и здесь обнаруживает свою актуальность.

Любое корпоративное сообщество в той или иной степени испытывает потребность к самоидентификации, во-первых, как к средству самоотграничения от иных социальных групп и, во-вторых, как к способу самосохранения и самовоспроизводства. Относится это, на наш взгляд, и к такой специфической корпоративной общности, как научное сообщество. Школы киников и циников, школы Платона и Аристотеля, физиократы и монетаристы... Этот ряд можно множить до бесконечности практически в любой из отраслей на-

учного знания. Тенденция состоит в том, что чем дольше существует некое научное направление, тем сложнее оно структурировано в сравнении с «юными» отраслями научного знания и обнаруживает себя на всем протяжении истории науки. Достаточно утвердившимся применительно к данной сфере является и наиболее часто употребляемый для самоидентификации термин «научная школа».

В российском ученом мире термин прижился и охотно используется на протяжении столетий как по отношению к целым отраслям научного знания, зародившимся благодаря деятельности отечественных исследователей и получившим всемирное признание, так и применительно к весьма скромным, особенно в сравнении с предыдущим примером, по масштабам и результатам деятельности региональным научным сообществам, чьим главным отличительным признаком, а главное ценностью, является наличие особой духовной общности между членами корпорации. Что же может объединять столь разные по масштабам и результатам деятельности, формам признания сообщества ученых? Можно ли вообще вывести некую общую для них дефиницию? А главное – есть ли вообще в этом необходимость?

Отвечая на сформулированные вопросы, обратим внимание на то, что при всем разнообразии подходов к определению понятия «научная школа», предлагаемой их авторами системе критериев, никто в принципе не отрицает самого факта наличия рассматриваемого феномена. Поэтому в наших дальнейших рассуждениях мы будем исходить из существования научных школ *ipso facto* и попытаемся выделить наиболее общие закономерности, определяющие своеобразие этого явления независимо от его масштаба.

Из наиболее принципиальных вопросов, на наш взгляд необходимо ответить на следующий: можно ли вообще свести конкретную научную школу к некоей совокупности формализуемых факторов? К последним прежде всего может быть отнесено: наличие основателей научной школы, количество поколений их последователей и учеников, наличие у них официального признания в виде дипломов ВАК России (СССР), нострифицированных аналогичных документов иных стран об ученых степенях и званиях, количество и объем публикаций в системе ранжированных органами власти изданиях (имеются в виду так называемый перечень ВАКовских журналов, изданий, имеющих гриф министерства, УМО и т.д.), число подготовленных и защищенных диссертаций различного уровня, наличие государственных премий и наград, авторских свидетельств, патентов, признание со стороны зарубежных научных сообществ в форме дипломов и почетных званий, индекса международного цитирования¹ и т.д. Настоящий перечень, естественно, может быть продолжен.

Думается, что данный подход органически «страдает» рядом трудноустраняемых недостатков. Во-первых, на наш взгляд, в рамках данного подхода отсутствует корректный ответ на вопрос о количественных характеристиках любого из вводимых в систему критериев. Любая попытка с позиций приоритета количественных характеристик ответить на вопрос, например,

¹ Хотя коллеги по цеху из КНР доказали, что и этот индекс может быть «скорректирован» посредством специальных схем самоцитирования и перекрестного цитирования.

о том, сколько докторов и (или) профессоров должны быть приписаны к научной школе для ее легитимации, в конечном счете сведется к уровню детсадовской дискуссии по теме «Три – это куча или не куча?» или при трансформации этого вопроса для ученых мужей – «О соотношении количества, качества и меры». Примером в этой связи может быть научная школа К. Э. Циолковского. Здесь можно теперь даже употреблять определение типа «мета-школа», однако если бы в период его деятельности использовались бы формальные оценки по количеству публикаций и т.д., то К. Э. Циолковский по нынешним критериям мог бы и не соответствовать требованиям к рядовому доценту.

Еще более проблематичным представляется ответ на вопрос о сравнительной ценности различных критериев внутри предлагаемой системы. Что ценнее и значимее для официального признания научной школы – наличие в ее составе двух докторов, пяти доцентов, трех защитившихся в своем совете аспирантов¹ или 12 монографий общим объемом 60 печатных листов, две из которых изданы за рубежом, причем одна на Украине, а другая провинциальным университетом одного из не самых крупных штатов США? Думается, что «безупречного» ответа в данном случае также не существует.

Вместе с тем в настоящее время достаточно четко прослеживается тенденция к реализации именно этого направления в деятельности многих, и прежде всего региональных, вузов. Думается, что определенную негативную роль в данном случае сыграли отечественные органы управления образованием, которые в ходе осуществляемой ими деятельности по аккредитации вузов в качестве одного из условий (хотя официально и незаявленным, а, так сказать, по умолчанию) принятия положительного для него решения подразумевали наличие в проверяемом образовательном учреждении научных школ².

Однако все вышеперечисленные недостатки системы количественных критериев определения существования научной школы отнюдь не означают, по нашему мнению, что следует полностью отказаться от этой идеи. Неприемлемым является лишь их абсолютизация и чрезмерная бюрократизация, а тем более некое общедоказательное или ведомственное нормативное закрепление аппаратными по преимуществу средствами. Последнее, при всей своей простоте и ясности, приведет, как нам представляется, лишь к появлению очередной иллюстрации известного закона Мэрфи, говорящего о том, что на любой сложный вопрос есть простой, ясный и совершенно неправильный ответ.

Особое беспокойство в связи с этим вызывают попытки еще десятилетней давности (2003) федеральных структур провести ранжирование вузов по

¹ В свете имевшей место на рубеже 2012–2013 гг. дискуссии о способах улучшения работы диссоветов и качества защищаемых диссертаций в качестве одного из предложений рассматривается такая «замечательная» новелла, как запрет аспирантам защищаться в диссодете собственного вуза; но этот показатель может и не реализоваться.

² *Одному из авторов настоящей статьи в период работы в одном из ведомственных учреждений высшего профессионального образования накануне приезда высокой комиссии довелось участвовать в создании трех «научных» школ в течение буквально нескольких дней, если не часов.*

ряду категорий¹. Авторам статьи в той или иной мере довелось принимать участие в подготовке экспертного заключения на проекты документов, подготовленных чиновными людьми для Правительства РФ. Сразу бросалось в глаза то обстоятельство, что авторы проектов рассматриваемых нормативных актов использовали термины, которые не имеют общепризнанного значения. Прежде всего это относится к понятиям «научная школа», «научно-педагогическая школа», «творческая школа». В поручении Президента России, выдержка из которого приводилась в сопроводительном письме к проектам постановлений, речь шла о научных школах, но далее по тексту этот термин не употреблялся, а вместо него вразнобой использовались понятия «научно-педагогическая школа» и «творческая школа». Так, в разделе 3 «Цели введения категории ведущего вуза» проекта Постановления Правительства Российской Федерации «О ведущих учебных заведениях Российской Федерации» использовался термин «научно-педагогическая школа», а далее по тексту речь, как правило, шла о «научно-педагогических и творческих школах». В том же разделе упоминалась «элита высших учебных заведений», но не давалось никаких критериев определения содержания этого весьма специфического понятия.

Подобная вольность в терминологии применительно к нормативным документам в принципе вряд ли допустима вообще, тем более, что речь, в частности, шла о вполне конкретном перераспределении бюджетного финансирования, в том числе и непосредственно направляемого в вузы на расширенное воспроизводство научных школ.

Думается, что одним из подводных камней, вольно или невольно скрытых в упомянутых проектах и во многом порожденных отсутствием ясного понимания того, что же все-таки такое «научная школа», является то, что появлялась возможность произвольно определять наличие научных школ, в очередной раз предоставить значительные превенции крупнейшим вузам (и прежде всего небольшому числу вузов ряда мегаполисов, в первую очередь столичным). Применение исключительно системы количественных критериев, в силу известных социально-политических факторов, действовавших, а во многом и продолжающих действовать в нашей стране на протяжении последних десятилетий, автоматически ставило их в лидирующее положение, урезая и без того скудный кусок бюджетного пирога, который достается регионам для обеспечения научной деятельности. В принципе аналогичное положение сложилось и на стадии, когда для спасения отечественной науки в качестве если не панацеи, то уж по крайней мере патентованного лекарства стали предлагать переход на грантовую поддержку исследований и исследователей. Ситуация с их распределением достаточно хорошо известна в ученом мире и, весьма образно, с учетом неравномерности их распределения в системе «мегаполисы – провинция» нашла свое выражение во фразе «российскую науку погубят дети капитана Гранта»².

¹ Речь идет о проектах Постановления Правительства Российской Федерации «О ведущих высших учебных заведениях Российской Федерации» и «Положения о ведущем высшем учебном заведении Российской Федерации» (2003 г.).

² Один из авторов статьи столкнулся с забавной ситуацией, когда эксперт уважаемого фонда, не желая вникать в сущность поданной заявки, кратенько написал,

Однако столь существенные недостатки подхода к определению научной школы, основанного на системе количественных критериев, отнюдь не означают, что мы должны полностью отказаться от него. Вряд ли целесообразно впадать в иную крайность, абсолютизируя только духовную составляющую понятия «научная школа». Несомненно, что без духовной общности, связывающей членов ученой корпорации, неповторимой атмосферы научного творчества мы вряд ли можем говорить о наличии научной школы как таковой. На наш взгляд, понятие духовной общности может быть применено как к позитивным, так и к негативным отношениям внутри научной школы. Собственно, появление новых научных школ нередко происходит через конфликт внутри корпорации, когда новое направление идентифицирует себя через конфликт с традиционными понятиями, формами и методами деятельности. Естественно, что сюда не относятся конфликты, в основе которых лежат личностные, меркантильные и им подобные интересы, а собственно научная сторона используется как средство маскировки подлинных причин конфликта.

Но духовная составляющая рассматриваемого явления, будучи оторванной от форм своего материального воплощения, сама по себе не создает феномена «научной школы». С непреложной необходимостью она должна найти свое материальное выражение, и наша задача в этом случае как раз и состоит в корректном определении минимально необходимых форм ее проявления.

Какой же вывод может быть сделан из вышесказанного? На наш взгляд, целесообразна разработка схемы необходимых и достаточных количественных критериев, свидетельствующих о том, что некое научное сообщество перешло в новое качественное состояние – «научную школу». Принципиальным отличием предлагаемого нами подхода является то, что выбор количественных критериев должен отражать наличие духовной общности, превращающей совокупность формализованных составляющих в новое явление. Какие показатели могут быть сюда включены? Для их определения попробуем сформулировать сущностные признаки «научной школы».

Прежде всего это наличие иерархически структурированного ученого сообщества, самовоспроизводящегося во времени и в пространстве и реализующего себя в традиционных для современной мировой науки формах.

Само по себе данное определение является весьма общим и весьма теоретичным, поэтому представляется необходимым рассмотреть введенные в него признаки по отдельности, с точки зрения как их количественных, так и качественных характеристик.

Понятие иерархически структурированного ученого сообщества может иметь как минимум двоякое толкование. Наиболее распространенным является вариант, когда речь идет о связи учителя и учеников, но возможен и вариант, когда наличие данной связи прослеживается между лидером (формальным/неформальным) и членами данной группы. Вопрос о количестве членов сообщества остается открытым и вряд ли может рассматриваться в отрыве от результатов его деятельности.

что все предлагаемое к исследованию давно отражено в трудах классика Имярек. Волею судеб это был один из учителей грантопросца, который, узнав о подобной резолюции, долго смеялся, сказав, что в его трудах об этом как раз ничего не сказано.

Устойчивость во времени также тесно связана с иными результатами деятельности. Вялотекущая, но не перешедшая в стадию стагнации научная жизнь коллектива, независимо от причин, предопределивших подобное положение дел (материальные трудности, потеря интереса к научной работе и т.д.), и динамичная, активная деятельность на протяжении различных (порой порядково) промежутков времени могут дать сравнимые результаты, которые также необходимо учитывать. В порядке дискуссии как минимальную величину можно предложить период, несколько превосходящий естественный цикл воспроизводства научного (научно-педагогического) сообщества и тяготеющий к временному промежутку, необходимому для подготовки в его рамках квалификационных работ (5–10 лет). Для научно-педагогической школы это может быть временной период становления системы подготовки специалистов по новым специальностям (около шести лет) и начало самовоспроизводства школы из числа своих студентов (плюс еще несколько лет).

Проблематичным в данном контексте является признание статуса научно-педагогической школы за группой ученых, перешедших (переехавших, эмигрировавших) на работу в другое учреждение (регион, страну), особенно если этот процесс был связан с возвращением и последующим уходом. В целом, отвечая критериям научной школы, они не подпадают под требования к научно-педагогической школе, так как по предлагаемой в нашем варианте системе для нее принципиально значим цикл подготовки специалистов, связанный с завершением полного курса обучения в связи с вполне конкретными личностями педагогов и началом ее самовоспроизводства.

В перечень предлагаемых критериев мы умышленно не включили как безусловное требование наличие территориальной общности его членов. Несомненно, что она фактически присутствует в большинстве случаев, но в связи с развитием средств электронных коммуникаций обнаруживает определенную тенденцию превращаться в факультативный признак. Вместе с тем как компьютерная обработка информации вряд ли сумеет (по крайней мере в обозримом будущем) вытеснить работу с традиционным бумажным носителем информации, так и современные средства связи, даже в режиме on-line или интернет-конференции¹, не заменят уникальности непосредственного личностного общения ученых. Поэтому необходимость постоянных личных контактов между членами научной школы, как ее неперенный признак, не является в наше время строго обязательным условием. Еще одним аргументом в пользу этого тезиса является то, что в рамках научной школы, несомненно, имеет место связь между идеями уже ушедших в мир иной ее основателей и их учеников. В данном случае вопрос о личных контактах переходит в сферу исключительно индивидуальных ощущений духовной связи.

Формы, в которых традиционно находит выражение деятельность научного сообщества, весьма многообразны. Не претендуя на непогрешимость, рискуем предложить в порядке дискуссии систему необходимых и достаточных требований к результатам научной деятельности, через которые, с одной стороны, раскрываются базовые характеристики научной школы, а с другой – они являются общепризнанными со стороны мирового научного сообщества.

¹ А в перспективе качественная 3D-голограмма кругового воспроизведения.

С целью обеспечения единства подходов к определению сущности научной школы можно предложить следующие критерии ее наличия:

1) защита докторских диссертаций последователями по направлениям и тематике, заложенным основателями научной школы (не менее трех),

или

2) защита кандидатских диссертаций по направлениям и тематике, заложенным основателями и первой волной исследователей (не менее 10),

или

3) наличие открытий, полученных научными коллективами или отдельными исследователями,

или

4) опубликование монографий по направлениям и тематике деятельности научного коллектива (не менее пяти) в общенациональных (зарубежных) издательствах,

или

5) создание и действие на базе научной школы научно-производственных структур, успешно функционирующих или развивающихся в общенациональном или межгосударственном масштабе,

или

6) наличие разработанных и завоевавших общенациональные и мировые рынки изделий, оборудования, технологий и т.д.

Подчеркнем, что основателей научной школы может уже не быть в этом мире, но идеи и дела их живут и развиваются.

Несколько более проблематичным является определение понятия «научно-педагогическая школа». Во многом оно зависит от того, что мы понимаем под педагогической деятельностью. Если речь идет о системе высшего образования, то мы можем говорить только о сообществах, функционирующих в рамках образовательных учреждений различных видов. Распространив это понятие на процесс подготовки специалистов высшей квалификации в рамках аспирантуры и докторантуры, мы добавляем к ним научно-исследовательские организации, проводящие соответствующую работу. Наиболее же широким является понимание в данном контексте педагогики как процесса передачи знаний вообще, тогда мы можем говорить о научно-педагогических школах применительно ко всем вузам и научным учреждениям.

Представляется, что наиболее целесообразным было бы распространение понятия научно-педагогических школ только на научные сообщества вузов, исходя из того, что педагогическая деятельность является неотъемлемой частью выполняемой ими социальной функции. В целом на научно-педагогические школы могут быть распространены критерии, предлагавшиеся нами для научных школ, а также добавлены дополнительно те, которые характеризуют их педагогическую составляющую.

В целом, на наш взгляд, система базовых критериев установления наличия научно-педагогической школы должна как минимум включать:

– создание учебных материалов различного характера, получивших признание на федеральном и региональном уровнях и полностью обеспечивающих учебный процесс по блоку учебных дисциплин, составляющих со-

держательное ядро образовательного процесса по определенной специальности (укрупненной группе специальностям);

– использование оригинальной и (или) творчески адаптированной методики преподавания (как общепедагогической, так и специальной) с неизменными элементами развивающего обучения и использованием современных средств коммуникации в научном сообществе;

– ведение преподавательской деятельности по блоку учебных дисциплин, составляющих образовательное и содержательное ядро программы определенной специальности (специальностей) в течение срока воспроизводства специалиста высшей квалификации;

– рекрутирование новых членов сообщества, в том числе и из студенческого контингента своего вуза, не менее чем до окончания подготовки первой волны специалистов высшей квалификации;

– проведение наряду с научно-практическими и научно-теоретическими конференциями мероприятий (регионального, межвузовского и более высокого ранга), в том числе постоянно действующего внутривузовского методического семинара, носящих преимущественно научно-методический характер и в ходе которых реализуется функция тиражирования педагогических новаций;

– презентация прописанных в предыдущих пунктах показателей в специализированном периодическом издании, не имеющем коммерческой составляющей при определении состава публикуемых работ.

Еще одним значимым для данной сферы обстоятельством является необходимость определенной профессиональной педагогической подготовки будущего преподавателя вуза. Далеко не лишним, и ни в коей мере не покушающимся на уникальность каждого педагогического коллектива, мог бы стать региональный стандарт для педагогической подготовки специалиста высшей квалификации. Он может включать в себя блок педагогической специализации, определяемый каждым вузом индивидуально, при желании, вплоть до подготовки штучного преподавателя [12].

Таковы наши основные соображения по вопросу определения содержания понятия «научная (научно-педагогическая) школа». Думается, что обсуждение научной общественностью основных критериев подхода к столь специфическому явлению будет способствовать не только выработке единой методологии к определению наличия научных школ в конкретном учреждении, но и исключит конъюнктурное, формальное административное творчество в области спешного создания «научных» школ как способа прохождения государственного контроля организации высшего образования, дискредитации самого понятия.

Дискуссионным остается вопрос о введении научных школ в число оцениваемых показателей деятельности вуза. С одной стороны, их наличие, несомненно, свидетельствует об уровне развития вуза, но с другой – стимулирует формализм в данной сфере, о чем мы неоднократно говорили выше. Авторы в целом склоняются к использованию такого показателя, как наличие научных (научно-педагогических) школ при оценке деятельности вуза, но только при условии широкого обсуждения критериев их выделения, а также проведения соответствующего исследования, основанного на масштабной выборке данных, в которой должны быть представлены все категории вузов России.

Решения, принимаемые в данной сфере путем голого администрирования, ведущие к усилению дифференциации вузов на «чистых» и «нечистых», диспропорции в их бюджетном финансировании, не только не улучшат ситуацию, но и способны окончательно девальвировать понятие «научная (научно-педагогическая) школа», привести к ухудшению творческих отношений внутри столь специфической социальной группы, каковой является научно-педагогическое сообщество.

Список литературы

1. **Аронов, Д. В.** К проблеме определения понятий «научная (научно-педагогическая) школа» / Д. В. Аронов, В. Г. Садков // *Alma mater*. – 2003. – № 6. – С. 8–13.
2. **Садков, В. Г.** Еще раз о качестве образования, ученых степенях и званиях и вхождении в европейское образовательное пространство / В. Г. Садков, Д. В. Аронов, П. Н. Машегов // *Alma mater*. – 2005. – № 1. – С. 27–31.
3. **Садков, В. Г.** О перспективах перехода к дистанционному регламенту защиты диссертаций (актуальность, необходимость и возможности) / В. Г. Садков, Д. В. Аронов, П. Н. Машегов // *Образование и общество*. – 2008. – № 2. – С. 19–22.
4. **Садков, В. Г.** Рейтинг есть – проблемы остаются / В. Г. Садков, Д. В. Аронов, П. Н. Машегов // *Alma mater*. – 2006. – № 9. – С. 8–14.
5. О модернизации системы аттестации кадров высшей квалификации: $5 \times 7 \neq$ (знак качества) / В. Г. Садков, Д. В. Аронов, П. Н. Машегов, А. В. Коськин // *Высшее образование в России*. – 2013. – № 7. – С. 148–152.
6. **Грезнева, О. Ю.** Научные школы (педагогический аспект) / О. Ю. Грезнева. – М. : Российская академия образования ; Институт теории образования и педагогики, 2003.
7. **Криворученко, В. К.** Научные школы – эффективный путь проведения диссертационного исследования / В. К. Криворученко // *Знание. Понимание. Умение*. – URL: http://www.zpu-journal.ru/asp/scientific_schools/2007/Krivoruchenko
8. **Куперштох, Н. А.** Научные школы России и Сибири: проблемы изучения / Н. А. Куперштох // *Философия науки*. – 2005. – № 2 (25). – С. 93–106.
9. Научная школа как структурная единица научной деятельности : препринт / Е. В. Устюжанина, С. Г. Евсюков, А. Г. Петров, Р. В. Казанкин, М. Б. Дмитриева. – М. : ЦЭМИ, 2011.
10. **Федорова, Г. В.** К истории вопроса о научных школах / Г. В. Федорова, Д. В. Щербаков // *Бюллетень сибирской медицины*. – 2009. – № 4. – С. 86–92.
11. **Яркова, Т. А.** Научно-педагогические школы в региональном пространстве педагогических исследований / Т. А. Яркова. – Тобольск : ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2007.
12. Управление качеством образования в регионах России / В. Г. Садков, В. А. Голенков, Т. Н. Брехова, Т. Г. Вайдерова, Ю. С. Степанов, П. Н. Машегов, Д. В. Аронов. – М. : Прогресс, 2007.

References

1. Aronov D. V., Sadkov V. G. *Alma mater*. 2003. no. 6, pp. 8–13.
2. Sadkov V. G., Aronov D. V., Mashegov P. N. *Alma mater*. 2005, no. 1, pp. 27–31.
3. Sadkov V. G., Aronov D. V., Mashegov P. N. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and society]. 2008, no. 2, pp. 19–22.
4. Sadkov V. G., Aronov D. V., Mashegov P. N. *Alma mater*. 2006, no. 9, pp. 8–14.
5. Sadkov V. G., Aronov D. V., Mashegov P. N., Kos'kin A. V. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2013, no. 7, pp. 148–152.
6. Grezneva O. Yu. *Nauchnye shkoly (pedagogicheskiy aspekt)* [Research schools (pedagogical aspect)]. Moscow: Rossiyskaya akademiya obrazovaniya; Institut teorii obrazovaniya i pedagogiki, 2003.

7. Krivoruchenko V. K. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skills.]. Available at: http://www.zpu-journal.ru/asp/scientific_schools/2007/Krivoruchenko
8. Kupershtokh N. A. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. 2005, no. 2 (25), pp. 93–106.
9. Ustyuzhanina E. V., Evsyukov S. G., Petrov A. G., Kazankin R. V., Dmitrieva M. B. *Nauchnaya shkola kak strukturnaya edinitsa nauchnoy deyatel'nosti: preprint* [Research school as a structural unit of research activity: preprint]. Moscow: TsEMI, 2011.
10. Fedorova G. V., Shcherbakov D. V. *Byulleten' sibirskoy meditsiny* [Bulletin of Siberian medicine]. 2009, no. 4, pp. 86–92.
11. Yarkova T. A. *Nauchno-pedagogicheskie shkoly v regional'nom prostranstve pedagogicheskikh issledovaniy* [Scientific-pedagogical schools in regional space of pedagogical research]. Tobolsk: TGPI im. D. I. Mendeleeva, 2007.
12. Sadkov V. G., Golenkov V. A., Brekhova T. N., Vayderova T. G., Stepanov Yu. S., Mashegov P. N., Aronov D. V. *Upravlenie kachestvom obrazovaniya v regionakh Rossii* [Education quality management in the regions of Russia]. Moscow: Progress, 2007.

Аронов Дмитрий Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, Государственный
университет – учебно-научно-
производственный комплекс
(Россия, г. Орел, Наугорское шоссе, 29)

E-mail: aronovdv@mail.ru

Aronov Dmitriy Vladimirovich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of state and law
theory and history, State University –
Educational-Research-Production complex
(29 Naugorskoe highway, Orel, Russia)

Садков Виктор Георгиевич

доктор экономических наук, профессор,
научный руководитель кафедры
государственного управления
и финансов, Государственный
университет – учебно-научно-
производственный комплекс
(Россия, г. Орел, Наугорское шоссе, 29)

E-mail: guif@ostu.ru

Sadkov Viktor Georgievich

Doctor of economic sciences, professor,
academic adviser, sub-department of state
administration and finance, State
University – Educational-Research-
Production complex
(29 Naugorskoe highway,
Orel, Russia)

УДК 001:061.91

Аронов, Д. В.

**«Научная (научно-педагогическая, творческая) школа» в системе
российского высшего образования / Д. В. Аронов, В. Г. Садков // Известия
высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. –
2014. – № 2 (30). – С. 236–246.**